

Двенадцать стульев

Светлая личность

Необыкновенные истории из жизни
города Колоколамска

1001 день, или Новая Шахерезада

Золотой теленок

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3417-3

9 785991 034173

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-0085-2

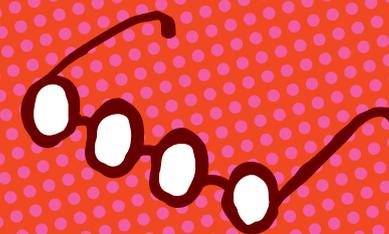

9 786171 200852

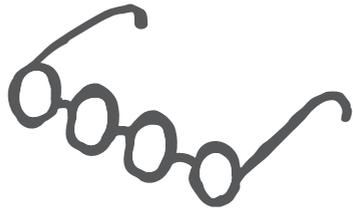
Илья
ИЛЮ
Евгений
ПЕТРОВ
(СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ)

Илья
ИЛЮ
Евгений
ПЕТРОВ

(СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ)

Илья
ИЛЬО
Евгений
ПЕТРОВ

Собрание сочинений

УДК 821.161.1
ББК 84.4РОС
И48

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 томах. —
М. : Худож. лит., 1961

Вступительная статья и комментарии *И. Н. Сухих*

Дизайнер обложки *Закентий Горобьёв*

Художник *Александр Семякин*

ISBN 978-617-12-0085-2 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3417-3 (Россия)

- © Евгений Петров, наследники, 2016
- © Илья Ильф, наследники, 2016
- © ООО «ИФФ Финанс», правообладатель, 2016
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление обложки, 2016
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

Шаги командора

Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед, и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.

А. Грибоедов, 1828

Миллион — вот демон Некрасова! <...>
Это был демон гордости, жажды само-
обеспечения, потребности оградиться
от людей твердой стеной и независимо,
спокойно смотреть на их злость, на их
угрозы.

Ф. Достоевский, 1877

Литература — дело одинокое. Одинок не только монах, склонившийся в келье над рукописью, или писатель, задумчиво грызущий в кабинете гусиное перо, но и современный сочинитель, барабнящий по клавишам, даже если он сидит в шумной редакции.

Творчество «больше, чем единица» вызывает дополнительный интерес.

«Обычно по поводу нашего обобществленного литературного хозяйства к нам обращаются с вопросами вполне законными, но весьма однообразными: «Как это вы пишете вдвоем?» Сначала мы отвечали подробно, вдавались в детали... <...> Потом мы стали отвечать менее подробно. <...> Еще потом перестали вдаваться в детали. И, наконец, отвечали совсем уже без воодушевления:

— Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры! Эдмонд бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтоб не украли знакомые» («Золотой теленок», предисловие).

С братьями Гонкурами пусть разбираются французы. Но в русской словесности было, пожалуй, лишь три большие коллективные удачи: Козьма Прутков, братья Стругацкие и — как раз посередине — писатель Ильфпетров (недаром придумавший себе и псевдоним Ф. Толстоевский, в котором химически слились фамилии двух крупнейших русских авторов-антиподов).

Мемуаристы дружно утверждают: в быту они были едва ли не противоположностями: загадочная еврейская и загадочная русская душа.

Илья Ильф (Илья Арнольдович Файнзильберг, 1897—1937) был болезнен и близорук, молчалив и начитан, любил гулять по улицам и фотографировать, в конце жизни мечтал написать что-то похожее на чеховские «Душечку» или «Крыжовник». Он — *созерцатель, наблюдатель*. «Видя Ильфа, я думал, что гораздо важнее того, о чем человек может говорить, — это то, о чем человек молчит. В нем (в молчании) он очень широко обнимал мир...» (Ю. Олеша. «Памяти Ильфа»).

Евгений Петров (Евгений Петрович Катаев, 1903—1942) отличался отменным здоровьем и общественным темпераментом. Он служил в ЧК и редактировал журнал, жил сам и давал жить другим. В литературе он поначалу видел не призвание, как Ильф, а источник заработка в послереволюционной Москве. «Брат оказался мальчишески сообразительным и старательным, так что месяца через два, облизав редакции всех юмористических журналов Москвы, веселый, общительный и обаятельный, он стал очень прилично зарабатывать, не отказываясь ни от каких жанров: писал фельетоны в прозе и, к моему удивлению, даже в стихах, давал темы для карикатур, делал под ними подписи, подружился со всеми юмористами столыцы, навещался в «Гудок», сдал казенный наган в Московское управление уголовного розыска, отлично оделся, немного пополнил, брился и стригся в парикмахерской с одеколоном, завел несколько приятных знакомств, нашел себе отдельную комнату...» (В. Катаев. «Алмазный мой венец»)

Один из современников назвал Петрова «поэтом сервиса». Он был не просто писателем, но *литературным деятелем*, причем и в специфическом советском образе писателя-общественника.

Их объединяло, кажется, лишь одесское происхождение.

Символически разъединила их даже смерть.

«Я не помню, кто из нас произнес эту фразу: — Хорошо, если бы мы когда-нибудь погибли вместе, во время какой-нибудь авиационной или автомобильной катастрофы. Тогда ни одному из нас не пришлось бы присутствовать на собственных похоронах» (Е. Петров. «Из воспоминаний об Ильфе»).

Случилось, однако, по-иному. Тот, который однажды сказал другу: «Нет, нет, мы никогда не умрем на своих постелях», — все-таки умер от чахотки (ее уже называли туберкулезом), дома, на руках у близких, накануне Большого террора. Судьбу друга Ильф угадал: Е. Петров действительно погиб в авиакатастрофе в разгар Великой войны. Самолет, на котором он летел из Севастополя в Москву, был сбит немецким истребителем в степи под Ростовом.

Но в главных книгах Ильф и Петров слились до неразличимости, образовали единого писателя, до которого не смогли дотянуться написанные единолично — ни до, ни после — вещи.

«Оказалось, что за десять лет работы вместе у нас выработался единый стиль. А стиль нельзя создать искусственно, потому что стиль — это литературное выражение пишущего человека со всеми его духовными и даже физическими особенностями» (Е. Петров. «К пятилетию со дня смерти Ильфа»).

В 1927—1931 гг. (а непосредственная работа заняла всего несколько месяцев) писатель Ильф-Петров, «как бы резвясь и играя», сочинил два романа, которые стали *единой книгой века*, отодвинув, оттеснив куда более значимые для современников имена.

История создания «Двенадцати стульев» рассказана Е. Петровым.

Брат, уже известный писатель Валентин Катаев, печатающийся в газете «Гудок» под псевдонимом Старик Собакин (точнее — Саббакин), однажды предлагает журналистам-поденщикам, обрабатывающим читательские письма: «Уже давно пора открыть мастерскую советского романа, <...> я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми. Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера — и готово. Как Дюма-пер». Катаев предложил и авантурную фабулу, сходную с рассказом А. Конан Дойла «Шесть Наполеонов»: путь некто ищет деньги, запрятанные в одном из стульев.

Через несколько месяцев, когда работа существенно продвинулась, Старик Собакин благословил уже не литературных негров, а полноценных авторов: «Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели» (Е. Петров. «Из воспоминаний об Ильфе»).

Порой эти воспоминания вызывают подозрения. «Дарил он сюжет, нет ли — сейчас точно не скажешь. Нет документа — нет аргумента» (М. Одесский, Д. Фельдман).

Один, правда, косвенный документ и аргумент все-таки существует. «Двенадцать стульев» посвящает Валентину Петровичу Катаеву.

В отличие от мгновенного читательского успеха (за десятилетие, ко времени смерти И. Ильфа, роман не только был неоднократно издан в СССР, но и переведен на пятнадцать языков — такого, кажется, не знал ни один из советских современников Ильфшпетрова) историко-литературная оценка книги была колеблющейся и, скорее, скептической.

«Среди крупных советских писателей 20—30-х гг. Ильф и Петров долгое время оставались относительно малоизученными, — фиксировал ситуацию через шесть десятилетий Ю. Щеглов. — Лишь отдельные проницательные наблюдения, притом нередко со стороны авторов, не писавших специально об Ильфе и Петрове, как, напр., высоко ценивший их Набоков, позволяли догадываться о том, сколь перво-классной важности культурный материал «пылится на складах» критического и историко-литературного истэблишмента» («О романах И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок”»).

Извлеченный со складов, этот материал подвергался разнообразной оценке и переоценке. ДС и ЗТ (таковы обычные сокращения романов в специальных работах) были объявлены: и классикой советской сатиры, бичующей старый мир и отдельные пережитки мира нового (Л. Яновская); и библией интеллигентов-шестидесятников, из которой вышла молодежная проза «Юности» (М. Каганская и др.), и антиинтеллигентским памфлетом «молодых дикарей» (Н. Мандельштам); и универсальной сатирой, не только антиимперской, но и умеренно антисоветской (Я. Лурье); и ловким ходом авторов-эстетов, выбравшим в герои плута и тем самым избежавшим упреков в недостаточной лояльности (В. Набоков); и скрытым памфлетом, социальным заказом, мгновенной реакцией соавторов на борьбу группировок в советском политическом истэблишменте (М. Одесский, Д. Фельдман); и литературным дайджестом, который можно было написать, не выходя из библиотеки (Ю. Щеглов).

Но в любом случае это была игра на повышение. Романы-фельетоны оказались в первом ряду русского канона — наряду с М. Булгаковым, М. Зощенко, тем же Набоковым — или где-то поблизости от него.

По какой причине? Почему? Поищем и свой ответ, помня о том, что книга ДС/ЗТ уже выдержала испытание восемью — и какими! — десятилетиями.

«На Запад! За фабулой!» — дружно провозгласили в начале 1920-х годов формалисты и серапионы, Е. Зямтин и О. Мандельштам. В конце десятилетия соавторы-фельетонисты «Гудка» и двинулись на Запад.

Если верить воспоминаниям (а тексты это подтверждают), мастерская советского романа строилась на скрещении двух мало свойственных русской литературе традиций (недаром Катаев вспоминает Дюма-отца): авантюрного (точнее — детективного романа) и романа плутовского. Однако, привлекательные своим демократизмом, но имеющие подозрительную репутацию, эти традиции сочетаются с трудом, напоминая персонажей крыловской басни.

Плутовской роман центробежен. Поставленный в центр его композиции герой-плут (пикаро — у основоположников жанра испанцев), как правило, проживает большой кусок своей жизни (причем обычно сам рассказывая о ней), но принципиально не меняется. Главное в плутовском романе — не сам персонаж, а его движение, перемещение от одного хозяина и от одной плутни к другой. Похождения героя позволяют развернуть панораму современной действительности, будь это Испания XVI века (анонимный роман «Жизнь Ласарильо с Тормеса»), Франция века восемнадцатого («Жиль Блаз» Лесажа) или его русский извод («Российский Жилблаз» В. Нарезного). Для плутовского романа чрезвычайно значим так называемый *хронотоп большой дороги* — место случайных встреч и разнообразных приключений.

Роман же детективный (как и детективная новелла) — центростремителен. Его фабула строится на разгадке преступления, поиске, решении логической задачи и включает в поле внимания только то, что для этого необходимо.

На этой развилке соавторы выбирают первый путь. Фабульная задачка (поиск единственного стула с бриллиантами) понадобилась им как спусковой крючок, потом про нее регулярно забывают, отыгрывая последнюю неожиданность, детективную пуанту лишь на последней странице:

«— Где же драгоценность? — закричал предводитель.

— Где, где, — передразнил старик, — тут, солдатик, соображение надо иметь. Вот они! <...>

Сокровище осталось, оно было сохранено и даже увеличилось. Его можно было потрогать руками, но нельзя было унести. Оно перешло на службу другим людям» (гл. XL. «Сокровище»).

Другой столь развернутой, колоритной картины советской реальности на очередном переломном рубеже, переходе от нэпа к первой пятилетке, строительству социализма в одной стране, в нашей литературе, кажется, нет.

Соавторы проводят героев практически по всем значимым хронотопам советской эпохи: среднерусская провинция — Москва — Поволжье — отпускной юг (Крым, Кавказ, Черноморск — Одесса), Средняя Азия. Любопытно, что дорога не привела Остапа и его компаньонов в северную столицу, из значимых хронотопов лишь Ленинград оказался не включенным в поиски сокровища мадам Петуховой и погоню за миллионом Корейко.

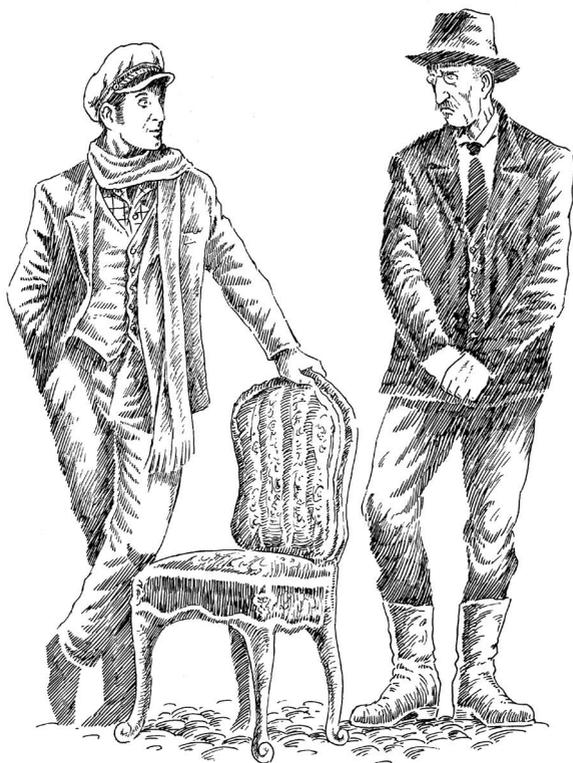
Выбирая жанр, соавторы одновременно *изменяют* его в соответствии со временем, эпохой. Пеший ход или лошади («птица-тройка») были традиционной *машиной пространства* плутовского романа. В «Двенадцати стульях» Бендер падает под лошадь, и газетная заметка об этом становится очередным витком фабульного движения (по ней ищет сбежавшего мужа мадам Грицацуева). Но средством передвижения его и спутников (за исключением Кавказа, где герои впали в абсолютную нищету) становятся все технические средства современности, идущие на смену «крестьянской лошадке»: поезд, пароход, автомобиль.

Бендер с Корейко пытаются даже использовать самолет, но получают решительный отпор: « — Я покупаю самолет! — поспешно сказал великий комбинатор. — Заверните в бумажку.

— С дороги! — крикнул механик, подымаясь вслед за пилотом.

Пропеллеры исчезли в быстром вращении. Дрожа и переваливаясь, самолет стал разворачиваться против ветра. Воздушные вихри вытолкнули миллионеров назад, к холму» (гл. XXX. «Александр ибн Иванович»).

Двенадцать стульев

Имя
ИЛЬО
Евгений
ПЕТРОВ

Посвящается Валентину Петровичу Катаеву

Часть первая

Старгородский лев

Глава I

Безенчук и «Нимфы»

В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть. А на самом деле в уездном городе N люди рождались, брились и умирали довольно редко. Жизнь города N была тишайшей. Весенние вечера были упоительны, грязь под луною сверкала, как антрацит, и вся молодежь города до такой степени была влюблена в секретаршу месткома коммунальщиков, что это мешало ей собирать членские взносы.

Вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами по роду своей службы он ведал с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака.

По утрам, выпив из морозного, с жилкой, стакана свою порцию горячего молока, поданного Клавдией Ивановной, он выходил из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу имени товарища Губернского. Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в уездных городах. По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро «Нимфа». Справа за маленькими, с обвалившейся замазкой окнами угрюмо возлежали дубовые пыльные и скучные гробы гробовых дел мастера Безенчука. Далее «Цирульный мастер Пьер и Константин» обещал своим потребителям «холю ногтей» и «ондулянсион на дому». Еще дальше расположилась гостиница с парикмахерской, а за нею на большом пустыре стоял палевый теленок и нежно лизал поржавевшую, прислоненную к одиноко торчащим воротам вывеску:

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КОНТОРА
«Милости просим»

Хотя похоронных депо было множество, но клиентура у них была небогатая. «Милости просим» лопнуло еще за три года до того, как Ипполит

Матвеевич осел в городе N, а мастер Безенчук пил горькую и даже однажды пытался заложить в ломбарде свой лучший выставочный гроб.

Люди в городе N умирали редко, и Ипполит Матвеевич знал это лучше кого бы то ни было, потому что служил в загсе, где ведал столом регистрации смертей и браков.

Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, походил на старую надгробную плиту. Левый угол его был уничтожен крысами. Хилые его ножки тряслись под тяжестью пухлых папок табачного цвета с записями, из которых можно было почерпнуть все сведения о родословных жителей города N и о генеалогических древах, произросших на скудной уездной почве.

В пятницу 15 апреля 1927 года Ипполит Матвеевич, как обычно, проснулся в половине восьмого и сразу же просунул нос в старомодное пенсне с золотой дужкой. Очков он не носил. Однажды, решив, что носить пенсне негигиенично, Ипполит Матвеевич направился к оптику и купил очки без оправы, с позолоченными оглоблями. Очки с первого раза ему понравились, но жена (это было незадолго до ее смерти) нашла, что в очках он — вылитый Милюков, и он отдал очки дворнику. Дворник, хотя и не был близорук, к очкам привык и носил их с удовольствием.

— Бонжур! — пропел Ипполит Матвеевич самому себе, спуская ноги с постели. «Бонжур» указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром расположении. Сказанное при пробуждении «гут морген» обычно значило, что печень пошаливает, что пятьдесят два года — не шутка и что погода нынче сырая.

Ипполит Матвеевич сунул сухощавые ноги в довоенные штучные брюки, завязал их у щиколоток тесемками и погрузился в короткие мягкие сапоги с узкими квадратными носами. Через пять минут на Ипполите Матвеевиче красовался лунный жилет, усыпанный мелкой серебряной звездой, и переливчатый люстриновый пиджачок. Смахнув со своих седин оставшиеся после умывания росинки, Ипполит Матвеевич зверски пошевелил усами, в нерешительности потрогал рукою шероховатый подбородок, провел щеткой по коротко остриженным алюминиевым волосам и, учтиво улыбаясь, двинулся навстречу входившей в комнату теще — Клавдии Ивановне.

— Эпполе-эт, — прогремела она, — сегодня я видела дурной сон.

Слово «сон» было произнесено с французским прононсом.

Ипполит Матвеевич поглядел на тещу сверху вниз. Его рост доходил до ста восьмидесяти пяти сантиметров, и с такой высоты ему легко и удобно было относиться к теще с некоторым пренебрежением.

Клавдия Ивановна продолжала:

— Я видела покойную Мари с распущенными волосами и в золотом кушаке.

От пушечных звуков голоса Клавдии Ивановны дрожала чугунная лампа с ядром, дробью и пыльными стеклянными цацками.

— Я очень встревожена. Боюсь, не случилось бы чего.

Последние слова были произнесены с такой силой, что каре волос на голове Ипполита Матвеевича колыхнулось в разные стороны. Он сморщил лицо и раздельно сказал:

— Ничего не будет, маман. За воду вы уже вносили?

Оказывается, что не вносили. Калоши тоже не были помыты. Ипполит Матвеевич не любил своей тещи. Клавдия Ивановна была глупа, и ее преклонный возраст не позволял надеяться на то, что она когда-нибудь помнеет. Скупа она была до чрезвычайности, и только бедность Ипполита Матвеевича не давала развернуться этому захватывающему чувству. Голос у нее был такой силы и густоты, что ему позавидовал бы Ричард Львиное Сердце, от крика которого, как известно, приседали кони. И кроме того, — что было самым ужасным, — Клавдия Ивановна видела сны. Она видела их всегда. Ей снились девушки в кушаках, лошади, обшитые желтым драгунским кантом, дворники, играющие на арфах, архангелы в сторожевых тулупах, прогуливающиеся по ночам с колотушками в руках, и вязальные спицы, которые сами собой прыгали по комнате, производя огорчительный звон. Пустая старуха была Клавдия Ивановна. Вдобавок ко всему под носом у нее выросли усы, и каждый ус был похож на кисточку для бритвы.

Ипполит Матвеевич, слегка раздраженный, вышел из дому.

У входа в свое потасканное заведение стоял, прислонясь к дверному косяку и скрестив руки, гробовых дел мастер Безенчук. От систематических крахов своих коммерческих начинаний и от долговременного употребления внутрь горячительных напитков глаза мастера были ярко-желтыми, как у кота, и горели неугасимым огнем.

— Почет дорогому гостю! — прокричал он скороговоркой, завидев Ипполита Матвеевича. — С добрым утром!

Ипполит Матвеевич вежливо приподнял запятнанную касторовую шляпу.

— Как здоровье тещеньки, разрешите узнать?

— Мр-мр-мр, — неопределенно ответил Ипполит Матвеевич и, пожав прямыми плечами, проследовал дальше.

— Ну, дай бог здоровычка, — с горечью сказал Безенчук, — одних убытков сколько несем, туды его в качель!

И снова, скрестив руки на груди, прислонился к двери.

У врат похоронного бюро «Нимфа» Ипполита Матвеевича снова попридержали.

Владельцев «Нимфы» было трое. Они враз поклонились Ипполиту Матвеевичу и хором осведомились о здоровье тещи.

— Здорова, здорова, — ответил Ипполит Матвеевич, — что ей делается! Сегодня золотую девушку видела, распущенную. Такое ей было видение во сне.

Три «нимфа» переглянулись и громко вздохнули.

Все эти разговоры задержали Ипполита Матвеевича в пути, и он, против обыкновения, пришел на службу тогда, когда часы, висевшие над лозунгом «Сделал свое дело — и уходи», показывали пять минут десятого.

Ипполита Матвеевича за большой рост, а особенно за усы, прозвали в учреждении Мацистом, хотя у настоящего Мациста никаких усов не было.

Вынув из ящика стола синюю войлочную подушечку, Ипполит Матвеевич положил ее на стул, придал усам правильное направление (параллельно линии стола) и сел на подушечку, немного возвышаясь над тремя своими сослуживцами. Ипполит Матвеевич не боялся геморроя, он боялся протереть брюки и потому пользовался синим войлоком.

За всеми манипуляциями советского служащего застенчиво следили двое молодых людей — мужчина и девушка. Мужчина в суконном на вате пиджаке был совершенно подавлен служебной обстановкой, запахом ализариновых чернил, часами, которые часто и тяжело дышали, а в особенности строгим плакатом «Сделал свое дело — и уходи». Хотя дела своего мужчина в пиджаке еще и не начинал, но уйти ему уже хотелось. Ему казалось, что дело, по которому он пришел, настолько незначительно, что из-за него совестно беспокоить такого видного седого гражданина, каким был Ипполит Матвеевич. Ипполит Матвеевич и сам понимал, что у прошедшего дело маленькое, что оно терпит, а потому, раскрыв скоросшиватель № 2 и дернув щечкой, углубился в бумаги. Девушка, в длинном жакете, обшитом блестящей черной тесьмой, пошептала с мужчиной и, теплая от стыда, стала медленно подвигаться к Ипполиту Матвеевичу.

— Товарищ, — сказала она, — где тут...

Мужчина в пиджаке радостно вздохнул и неожиданно для самого себя гаркнул:

— Сочетаться!

Ипполит Матвеевич внимательно поглядел на перильца, за которыми стояла чета.

— Рождение? Смерть?

— Сочетаться, — повторил мужчина в пиджаке и растерянно оглянулся по сторонам.

Девушка прыснула. Дело было на мази. Ипполит Матвеевич с ловкостью фокусника принялся за работу. Записал старушечьим почерком имена новобрачных в толстые книги, строго допросил свидетелей, за которыми невеста сбегала во двор, долго и нежно дышал на квадратные штампы и, привстав, оттискивал их на потрепанных паспортах. Приняв от молодоженов два рубля

и выдав квитанцию, Ипполит Матвеевич сказал, усмехнувшись: «За совершение таинства», — и поднялся во весь свой прекрасный рост, по привычке выкатив грудь (в свое время он нашивал корсет). Толстые желтые лучи солнца лежали на его плечах, как эполеты. Вид у него был несколько смешной, но необыкновенно торжественный. Двояковогнутые стекла пенсне лучились белым прожекторным светом. Молодые стояли, как барашки.

— Молодые люди, — заявил Ипполит Матвеевич выпrenно, — позвольте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, оч-чень приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, оч-чень приятно!

Произнесши эту тираду, Ипполит Матвеевич пожал новобрачным руки, сел и, весьма довольный собою, продолжал чтение бумаг из скоросшивателя № 2.

За соседним столом служащие хрюкнули в чернильницы.

Началось спокойное течение служебного дня. Никто не тревожил стол регистрации смертей и браков. В окно было видно, как граждане, поеживаясь от весеннего холода, разбредались по своим домам. Ровно в полдень запел петух в кооперативе «Плуг и молот». Никто этому не удивился. Потом раздались металлическое кряканье и клекот мотора. С улицы имени товарища Губернского выкатился плотный клуб фиолетового дыма. Клекот усилился. Из-за дыма вскоре появились контуры уисполкомовского автомобиля Гос. № 1 с крохотным радиатором и громоздким кузовом. Автомобиль, барахтаясь в грязи, пересек Старопанскую площадь и, колыхаясь, исчез в ядовитом дыму. Служащие долго еще стояли у окна, комментируя происшествие и ставя его в связь с возможным сокращением штата. Через некоторое время по деревянным мосткам осторожно прошел мастер Безенчук. Он целыми днями шатался по городу, выпытывая, не умер ли кто.

Служебный день подходил к концу. На соседней желтенькой с белым колокольне что есть мочи забили в колокола. Дрожали стекла. С колокольни посыпались галки, помитинговали над площадью и унеслись. Вечернее небо леденело над опустевшей площадью.

Ипполиту Матвеевичу пора было уходить. Все, что имело родиться в этот день, родилось и было записано в толстые книги. Все желающие повенчаться были повенчаны и тоже записаны в толстые книги. И не было лишь, к явному разорению гробовщиков, ни одного смертного случая. Ипполит Матвеевич сложил дела, спрятал в ящик войлочную подушечку, распушил гребенкой усы и уже было, мечтая об огнедышащем супе, собрался пойти прочь, как дверь канцелярии распахнулась, на пороге ее появился гробовых дел мастер Безенчук.

— Почет дорогому гостю, — улыбнулся Ипполит Матвеевич. — Что скажешь?

Содержание

Шаги командора. <i>И. Н. Сухих</i>	5
Двенадцать стульев	21
Светлая личность	273
Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска.....	337
1001 день, или Новая Шахерезада.....	371
Золотой теленок.....	405
Комментарии. <i>И. Н. Сухих</i>	669

Літературно-художнє видання

ІЛЬФ Ілля, ПЕТРОВ Євген
Зібрання творів
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *О. М. Марченко*

Підписано до друку 15.12.2015. Формат 60х90/16. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 37,8. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.tornado.com.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

ИЛЬФ Илья, ПЕТРОВ Евгений
Собрание сочинений

Главный редактор *С. С. Склад*
Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *Е. Н. Марченко*

Подписано в печать 15.12.2015. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 37,8. Тираж 8000 экз. Зак. № .

ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»
308015, г. Белгород, ул. Пушкина, 49А

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы (050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life) (067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

РОССИЯ

- по телефонам справочной службы +7 (4722) 73-22-73;
- e-mail: info@ksdbook.ru
- на сайте Клуба: www.ksdbook.ru
- «Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

Москва

Бертельсманн Медиа Москва АО
Тел./факс +7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Ильф И.

И48 Собрание сочинений / Илья Ильф, Евгений Петров ; худож. А. Семякин ; вступ. ст. и коммент. И. Н. Сухих. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 720 с. : ил.

ISBN 978-617-12-0085-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3417-3 (Россия)

УДК 821.161.1
ББК 84.4РОС